

УДК 93/94 (477)

ANDREJ JUR'EVICH DVORNICHENKO

Doctor of History, St. Petersburg State University,
199034, Russian Federation, St. Petersburg,
Universitetskaya nab., 7/9.
E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

Byzantine-Russian-Crimean motives in the works of George Vernadsky

This article is devoted to the unstudied problem that can be formulated as George Vernadsky – Byzantinologist. The historian was a proficient in ancient and modern languages and he early began to study the subject of Byzantine history and achieved considerable success. He was interested in the history of the peasants, community and a number of other problems. However, the history of Byzantium attracted him as a ground for more adequate understanding of the history of Russia. That's why he focused his attention on the state-church relations in Byzantium, which affected the relationship between church and state in Muscovy in its formation and development. These were the vibrations from the complete subordination of the church to the state that became to the harmonious interaction between the two authorities. Another subject – the Crimea, which constantly found itself at the center of Russian-Byzantine relations. Vernadsky was, perhaps, the only historian in the West, who defended the idea of a permanent presence of Russian ethno-political society on the peninsula all his academic life.

Keywords: *historiography, G. Vernadsky, Byzantium, Ancient Rus, Crimea, Russian-byzantine relations.*

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ ДВОРНИЧЕНКО

доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9;
E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

Статья посвящена совершенно неизученной проблеме, которую можно сформулировать так: Георгий Вернадский – византинист. Прекрасно владея древними и новыми языками, историк рано принялся за изучение сюжетов собственно византийской истории и добился в этом немалых успехов. Он интересовался историей крестьян, общины и рядом других проблем. Однако история Византии больше влекла его как почва для более адекватного понимания истории России. Вот почему он сосредоточил свое внимание на государственно-церковных отношениях в Византии, которые влияли на отношения церкви и государства в Московском государстве по мере его становления и развития. Это были колебания от полного подчинения церкви государству к симфонии, т.е. гармоничному взаимодействию двух властей. Еще один сюжет – Крым, который постоянно оказывался в центре русско-византийских отношений. Вернадский, пожалуй, единственный историк в мире, который всю свою научную жизнь отстаивал постоянное присутствие русского этнополитического социума на полуострове.

Ключевые слова: *историография, Г. Вернадский, Византия, Древняя Русь, Крым, русско-византийские отношения.*

Византийско-русско-крымские мотивы в творчестве Георгия Вернадского*

Георгий Вернадский – крупнейший историк русского зарубежья, оставивший огромное научное наследие и необозримый архив. Однако творчество его изучено явно недостаточно. Например, от темы, которая вынесена в заголовок данной статьи, автор основного сочинения о Вернадском – Гальперин – сознательно отказался [1, р. 71]. Получается, что эту тему никто не изучал! Между тем сейчас творчество Вернадского приобрело особую актуальность. Судите сами: политика России все больше приобретает евразийский характер, а Георгий Владимирович – создатель евразийской истории

России. Или еще: Россия вернула себе Крым, а он единственный, видимо, историк в мире, который всегда отстаивал присутствие русских в Крыму с древнейших времен. Благодаря его работам, мы вполне можем праздновать более чем тысячелетие русского Крыма.

Вернадский интенсивно изучал Византию и русско-византийские отношения. Волей самой географической ситуации в центре этих отношений оказывался Крым. Вот почему логично рассмотреть эти грани его творчества (конечно, в первом приближении!) в одной статье. Но возникает вопрос, какое

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00528.

все-таки место в научной жизни Вернадского занимала история Византии? Выдающийся византинист Д. Оболенский, анализируя творчество историка, подчеркнул, что тот, прежде всего, был медиэвистом, главными направлениями исследований которого была история средневековой Руси, Византийской империи и кочевников евразийских степей [2, р. 3]. Историк заинтересовался историей Византии в Крыму, где буквально ощущаешь ее рядом. Но не забудем и о том, что, будучи питомцем Московского университета, свою магистерскую диссертацию он написал в Петербургском университете, а как известно, здесь была самая мощная в России школа византиноведения [3, с. 6]. Не случайно его деятельность в этой области высоко оценил сам академик Ф.И. Успенский. Вдова академика в своем письме отметила, что «Федор Иванович очень интересовался Вашими работами и занятиями и говорил, что из Вас будет хороший византинист» [4, б. 11].

Вынужденная эмиграция, пребывание в Константинополе, Афинах, знакомство с тамошними древностями только подогрели этот интерес, который и вылился в целый ряд статей, рецензий, заметок пражского периода его жизни и первых лет его американской эпопеи. В Афинах он познакомился с ведущим византинистом профессором Лоренцато, который нашел Георгию работу в библиотеке Греческой археологической ассоциации в качестве помощника каталогизатора. Но интерес возник не только от библиографии, но прямо от «земли», богатой памятниками древности. Ему хотелось «пощупать», ощутить эту древность. Историк провел предварительное архитектурное изучение византийского пещерного храма св. Николая на Педели в Афинах. Работа эта имеет большое значение, так как то, что историк видел тогда, позже было полностью разрушено [5]. К сожалению, работа так и осталась неопубликованной. Не случайны и его первые рецензии, в частности, на работу Георгия Сотериу о знаменитом храме св. Димитрия в Солуне, а также о раскопках храма св. Иоанна Богослова в Эфесе [6, s. 203–204, 7, s. 284–285]. А вот рецензия на работу русского советского византиниста В.Н. Бенешевича, посвященную археологическим и палеографическим памятникам Синая – отметив значимость этого труда, он предьявляет и определенные претензии, в частности, к структуре работы [8, s. 590–593]. Интересна и статья по результатам поездки в Пелопонесс. Она состоит из двух частей: в первой историк рассказывает о франко-византийском «симбиозе» в этом регионе, а во второй живописует свои искусствоведческие открытия. Современному читателю даже трудно поверить в такое: историк заходил в полуразрушенные храмы и дома и видел там фрески и иконы XV в. [9, с. 32].

Впрочем, историк проявляет вполне зрелый интерес и к письменным источникам по византийской истории. Об этом свидетельствуют те же рецензии. В своем дополнении к рецензии В.А. Розова на книгу Милоша Вейнгарта, посвященную византийским хроникам, он прибавляет несколько замечаний с точки

зрения византиноведения. Он отмечает вдумчивое отношение чешского ученого к истории и культуре Византии. При этом трогательно сетует на то, что русские за советской чертой отрезаны от этой научной работы. Впрочем, «Византийский современник» вроде жив и даже, похоже, будет выходить [10, s. 485–486.]. Давая оценку самой работы, историк отмечает, что она в первую очередь интересна славистам, но и для историков Византии это незаменимое справочное пособие. Но не может согласиться с автором в самой оценке литературно-исторического значения хроник. М. Вейнгарт оценил их чрезвычайно низко со стороны как внешне литературной, так и внутреннего историко-научного содержания. По мнению рецензента, хроникам предьявляются в данном случае требования, удовлетворять которым они не должны. Назначение хроник не только (или не столько) научно-историческое, а прежде всего, историко-философское (не говоря о чисто литературном). Содержание хроник – целое мировоззрение, от которого не так легко отделаться несколькими предварительными замечаниями.

Рецензия на книгу, посвященную документам знаменитого теперь монастырского комплекса Метеоры, показывает, насколько хорошо к этому времени Георгий знал тему источниковедчески и историографически, как успешно ориентировался в византиноведческой библиографии [11, s. 550–551]. В рецензии на книгу о Болгарии от источниковедения Вернадский идет к истории. Он замечает, что автор книги румынский историк Н. Банеску противоречит устоявшемуся мнению о том, что Болгария (по крайней мере, до восшествия на престол Алексея Комнина) находилась под единым управлением из Византии. Можно говорить о двух областях: одной, которая, собственно, и сохраняла название «Болгария», управлял скоплинский воевода, а другая область с центром в Дристре (Доростоле) управлялась другими губернаторами. К сожалению, применительно и к той, и другой области Банеску не смог создать полные списки стратегов [12, s. 549–550].

В истории Византии Г.В. Вернадского интересуют, прежде всего, правовая и экономическая сферы, при этом проблемы серьезные и значимые, как, например, размеры бюджета Византийской империи. Хотя определить эти размеры, как и размеры бюджета Римской империи, трудно: не сохранилось документов с бесспорными фактами. При этом бессознательно возникает представление о его огромных масштабах. Впрочем, к такому представлению склоняют и огромные доходы от византийской промышленности и торговли. А сколько тратилось на византийский двор?! Достаточно вспомнить знаменитую книгу Константина Багрянородного об обрядах византийского двора [13, s. 421–424]. Историк рассматривает разные точки зрения, прежде всего, германских и греческих ученых, пытается сравнить византийский бюджет с другими странами, не только Средневековья, но и России времен Петра Великого, разобраться с тем, на что в первую очередь тратили деньги в Византии. Вывод его однозначен: не стоит

все-таки преувеличивать бюджет Византийской империи.

Историк изучает византийские кадастры, которые своими корнями уходят непосредственно в римское время. В полемике со своими маститыми предшественниками (Успенским, Безобразовым, Панченко) историк анализирует эти памятники с источниковедческой точки зрения, считает, что вряд ли корректно называть их писцовыми книгами. Впрочем, от источниковедения и здесь историк идет к историческим выводам и обобщениям. Он обнаруживает в кадастрах отражение общины, типа южнославянской задруги, находит сведения о закреплении целых категорий византийского населения [14, с. 443, 454, 457]. Особо историк отметил значение работы болгарского историка П. Мутафчиева, который изучал земельные наделы солдат – важный институт социальной и государственной жизни Империи. Ученый изучил позднюю пронию (земельные владения) и ее отношение к военной службе. Она вовсе не была военным «леном» или «поместьем», а это, в свою очередь, предостерегает против сближения византийской жизни с западноевропейским феодализмом [15, с. 606–608].

Одна из работ посвящена византийским купчим грамотам. Историк отметил, что византийские частные акты не подвергались систематическому обследованию ни со стороны их дипломатики, ни со стороны юридического содержания. Вернадский берет для анализа грамоты из чисто византийских областей, которые не подвергались славянской или какой-либо иной колонизации. Это грамоты двух монастырей: Божией матери Лемвиотиссы, который расположен на горе Лемво (близ Смирны), и св. Иоанна Богослова на о. Патмосе. Историк осуществляет тщательный дипломатический анализ грамот, что позволяет ему разбить «типовой» документ на 17 «отделений» от его названия до подписи лица, писавшего грамоту [16, с. 35, 36–41]. Из отдельных вопросов он останавливается на одном, но одном из самых существенных: кто является субъектом передаваемого права собственности. Это не только и даже не столько физическое лицо, сколько сторона ($\mu\epsilon\rho\varsigma$), т.е. лицо правовое. Лицо физическое является лишь его представителем. Договор купли-продажи заключается, собственно, не между двумя физическими лицами, а между двумя сторонами. О двух сторонах говорит и Прохирон.

Продавец – обычно целая компания лиц, чаще семь, или даже большая семья. Иногда это и не кровные родственники, а чужие по крови совладельцы. При этом ни один глава, но все члены семьи или «складства» являются субъектом права собственности на отчуждаемое имущество. Значит, можно говорить о семейной или складнической собственности в среде мелких греческих хозяйственных единиц. Здесь Вернадский вступил в прямое противостояние с предшествующими авторитетами, например, Б.А. Панченко, утверждавшим, что «византийское крестьянство построено на идее индивидуальной наследственной собственности» [17, с. 230].

Историк развивает свои наблюдения по поводу следов существования семейной общины в Византии. Теперь у него возникло сомнение, как согласовать эту семейную собственность с наличием законодательных норм византийского семейного права, устанавливающих для супругов раздельность имущества, устраняющую детей от участия в имуществе родителей. Выход историк видит только в различии между правом писанным и кодифицированным и правом обычным и живым в народной практике греческого Средневековья [16, с. 42–43].

Отдельную статью Вернадский посвятил изучению византийского аграрного закона. В ней он отмечает, что история византийского права еще далеко не изучена, несмотря на работы французских, немецких и русских историков. Это относится и к проблеме эволюции права и месту, которое занимают те или иные памятники права. Это относится, в частности, к знаменитому аграрному закону – одному из самых важных аграрных законов Византии.

Ученые заметили противоречие, которое существует между организацией земледельческой общины и институтом частной собственности, нашедшим впервые отражение в законодательстве Юстиниана [18, р. 169–180, 170]. Согласно мнению ряда ученых, прежняя система частной собственности римского типа вырождалась, прежние свободные крестьяне быстро перерождались в колонов-париков. Империя лишалась своей поддержки в лице свободных крестьян и меры, предпринятые властью, пытались изменить ситуацию [19, с. 112–114]. Новая община во многом формировалась под влиянием славян, вторгнувшихся на территорию Империи.

Собственно, возникает такая схема: 1) аграрный закон отражает формы земледельческой общины; 2) сама община является результатом влияния славянского права на византийское право; 3) утверждение такой общины является одним из актов иконоборцев и относится к тому же времени, что и Эклога, т.е. к середине VIII в. [18, р. 171].

Русский ученый Б.А. Панченко и американский М.У. Ашбурнер выступили против такого подхода. Панченко относит создание закона к VI–VII вв., что представляется Вернадскому убедительным. Он сам приводит аргументы в пользу того, что закон мог быть составлен при другом императоре – Юстиниане II, который правил два раза: в 685–695 гг. и 705–711 гг. [20, с. 80]. Историк также приводит соображения в пользу идеи Панченко, что закон был составлен в первое правление Юстиниана.

Наш историк не собирается отбрасывать славянские влияния на законодательство Византии, но считает, что надо рассмотреть и другие возможные варианты. Внимательное изучение ситуации, связанной с налогообложением, терминов (в частности, термина « $\iota\delta\iota\omicron\varsigma$ ») и самой традиции повело его совсем в другом направлении: в греко-римский Египет, а сравнение некоторых статей земледельческого закона с египетскими документами только укрепили историка в его мнении. Еще до него Кондаков отметил, что после потери Империей «южных» земель из

Сирии и Египта в столицу хлынули беженцы, которые везли с собой иконы и книги. В такой ситуации, как считает Вернадский, мог возникнуть и земельный закон [18, р. 172–180].

К удивлению нашего историка эта заметка об аграрном законе приобрела большую популярность, часто «цитовалась» во французской и немецкой научной литературе по византиноведению. Специалисты полагали, что она помогает правильно датировать «*nomos georgikos*» [23, р. 14].

Уже тогда он обратился к сложной и важной теме: взаимоотношениям императорской и патриаршей власти в Византии, которые в дальнейшем сильно повлияли на отношения церковной и светской власти в России. Историк отмечает, что основной чертой византийского строя является то обстоятельство, что император стоит не вне христианской церкви, но находится в тесном сопряжении с ней. Императоры со временем принимали все большее участие в богословии, в выработке догматов православной церкви [22, с. 144]. Историк вспоминает историографическую дуэль между Брейе и Берлие по этому поводу. Первый даже открыл некую монархическую религию, отличную от религиозного христианства.

Конечно, верно, что императорский сан – особая форма церковнослужения, и все чины императорского двора в Византии не просто служили, а еще и священнодействовали. Грандиозный памятник такой практики – Придворный устав Константина Багрянородного. Царь был и во главе державной жизни, но в то же время принимал прямое участие в богослужении, входил в алтарь и т.д. [22, с. 146–148].

Один возможный путь в этой ситуации – наделить царя привилегиями священничества. Это тупиковый путь. Второй – ограничить роль царя, что наблюдается уже в VI новелле Юстиниана, но наиболее ярко в Эпанагоге – памятнике конца IX в. [23, р. 21]. Государство неразрывно связано с церковью, человеческое общество охвачено одной организацией церковно-государственной. Человеческое общество есть как бы одно тело с двумя главами – Царем и Патриархом. Параллелизм власти отражается во всем, даже в облачении двух глав. Царскому лору соответствует патриарший омофор.

Эти идеи были восприняты в дальнейшем и нашли отражение в Обозрении царских книг и Синтагме Матфея Властаря. Они глубоко проникли в византийское общество, а деятели греческой церкви внедряли его и в древнерусское церковно-государственное сознание [22, с. 149–151]. На эту статью историка вкпе со статьей сербского ученого Вас. Марковича откликнулся известный немецкий специалист [24, с. 530–533].

В другой статье историк уже прямо связывает эту тему с российской историей XVII в. [25, с. 119–142]. Здесь у историка был предшественник – Вл. Сокольский, который подметил, что в документах к делу Никона прямо приводятся постановления Эпанагоги [26, с. 46]. В своей статье Вернадский отмечает, что в Византии, наряду с идеями цезарепапизма, были

и идеи диархии царя и патриарха, которые нашли отражение в Эпанагоге. Историк рассматривает содержание памятника и показывает, что в нем говорится в целом о власти царя и патриарха, об основных задачах и целях того и другого, основных чертах каждого из них, об их отношении к законам и канонам. Учение Эпанагоги продолжало жить в самой Византии, перешло оно и к славянам, а отсюда попало в Россию.

Это влияние заметно уже во времена патриарха Филарета, но особенно в патриаршество Никона. Историк показывает, как Никон познакомился с Эпанагогой, проводит интересный анализ отношений царя и патриарха в это время. Никон был знаком не только с этой сильной книгой, но и с другими. Он очень умело использовал известную версию «Вено Константина» (Константинов дар), которая оказалась в качестве дополнительной статьи в Кормчей книге.

Историк продолжает изучение отношений между царем и патриархом в широком историческом контексте тех лет и доходит до падения патриарха. Тут должное внимание он уделяет известной полемике между Никоном и Паисием Лигаридом – митрополитом Газы, сыгравшим столь важную роль в разгроме Никона. В этой полемике Эпанагога играла большую роль, хотя Никон не ограничивается одной Эпанагогой, используя, например, западную «теорию двух мечей». В конечном итоге Никон, который хотел воплотить в жизнь греческие идеалы, пал при деятельном участии греческих же иерархов. Этот парадокс можно понять только в том случае, если учесть, что Никон вызвал явную антипатию своим желанием первенствовать между православными иерархами. Если в московском царе греки уже вполне видели преемника императоров, то к московской патриархии они так относиться не могли. Конфликт между Никоном и греческими иерархами ускорил падение мятежного патриарха и одновременно похоронил в Московии церковно-политические идеи Эпанагоги [25, с. 121–125, 127–134, 139, 141–142].

Тема Эпанагоги, церковно-государственных отношений в России стала для Георгия Вернадского «сквозной», сопровождала всю его научную жизнь, что, конечно же, связано не только с научным интересом, но и с особенностями религиозного сознания самого историка, о чем мы много говорили в первой части. Однако отметим, что историк возвращается к этой теме и в одном из томов «Истории России», посвященном Московскому царству [27, р. 561–607]. Уже в конце жизни историк вместе с исследовательницей Валерией Туминс готовил к печати и писал предисловие к уникальному памятнику – «Возражению» Никона на вопросы боярина Семена Стрешнева газскому митрополиту Паисию Лигариду. Книга вышла через несколько лет после смерти Г.В. Вернадского...

В другой статье историк пишет о том, что после работ Юлиана Кулаковского и Рудольфа Вари стало ясно, что автор известной «Тактики» – император Лев Мудрый (886–912), а не Лев Исавр (714–740) [28, р. 333, 335]. Но, поскольку в литературе встречается и второе утверждение, историк приводит дополни-

тельные доказательства в пользу авторства Льва Мудрого.

Дело в том, что автор «Тактики» использует ту самую Эпанагогу, которая была составлена до начала правления Льва Мудрого, очевидно в 883 г. В Эпанагоге дается подробная характеристика власти императора и патриарха, а в «Тактике» столь же взвешенная характеристика власти стратега. Внимательно сравнив два описания, историк пришел к выводу о том, что влияние Эпанагоги на «Тактику» очевидно.

Это, в свою очередь, способствует лучшему пониманию Эпанагоги, подчеркивает ее роль в византийском законодательстве и проливает свет на давний спор, была ли она опубликована, носила ли официальный характер.

В поле зрения нашего историка была не только Эпанагога, но и сочинения Константина Порфирородного. В рецензии на перевод трактата Константина «О церемониях» историк отметил, что это один из важнейших источников для понимания византийской жизни и истории. Отметив заслуги ряда авторов (среди которых и сам историк) в переводе отдельных частей сочинения, он поздравил Альберта Фогта с тем, что он блестяще завершил эту работу [29, р. 500]. Текст этот, с одной стороны, переводить легко, так как грамматически он прост. Но, с другой стороны, крайне тяжело – он плохо сохранился, в нем много технических терминов, которые требуют не столько перевода, сколько объяснения. Комментарии, таким образом, более важны, чем сам перевод. Предшественники Фогта не совсем правильно разбили текст, и Фогт практически все исправил. Впрочем, у Вернадского, судя по всему, было и свое видение этого перевода, которое он бы сделал.

Отметим еще, что византийская история интересовала нашего историка на всем ее протяжении. Интересную ситуацию историк анализировал в ранней работе: отношения между Золотой Ордой, Египтом и Византией в XIII веке [30, с. 73–84]. Оказывается, нашествие монголов было первоначально направлено и против мусульман и воспринималось как «желтый крестовый поход». Но в Египте монголы потерпели поражение. Впрочем, это поражение не принесло бы должных плодов для Египта, если бы не раскол монголов на «государства» Хулагидов и Золотую Орду. Египетская дипломатия очень искусно воспользовалась этой ситуацией, завязав отношения с золотоордынским ханом Берке. Третьим игроком в этой дипломатической игре стала Византия. Чутко подмечая некоторые штрихи и даже умолчания в источниках, историк раскручивает нить сложных отношений между игроками в дипломатию.

Причем эти дипломатические отношения не проходили бесследно и для культурной жизни того или иного государства. Для новообращенных в ислам кипчакских ханов Египет был религиозной метрополией; канцелярская письменность и бюрократические формы попадали из одного государства в другое. Перенимались и юридические нормы, в частности, Чингизова Яса. Из одного государства в другое проникали изделия художественной «про-

мышленности» и даже экзотические животные, которые, правда, застревали в Константинополе, как тот славный жираф, которого по свидетельству византийского историка Пахимера, по улицам водили, пробуждая восторг византийской черни [30, с. 81–84].

Однажды историк подсчитал, сколько у него опубликовано по византийской истории: получилось 9 работ объемом около 10 печатных листов [31, b. 170]. Он, однако, учел не все работы – несколько вышло позже. Но, главное, понять весь масштаб работы Г.В. Вернадского можно не по опубликованному, а по материалам архива. Один бокс заполнен записями, которые сам историк озаглавил «Translation of Constantin Porfirogenit» [30, b. 102]. Но этот бокс не одинок. Прав был Ч.Дж. Гальперин, автор главного на сегодняшний день труда по Г.В. Вернадскому, когда отмечал, что его архив переполнен заметками, библиографическими списками, карточками и планами по византийской истории [1, р. 71].

Историк работает в рамках известного Семинария (Института) им. Н.П. Кондакова в Праге, одним из основных направлений деятельности которого было изучение Византии. Он, кстати, умудрился написать о самом Кондакове (хоть и общался с ним не так долго) такие работы [32–34], какие не могли написать те, кто знал мэтра десятилетиями. Его статьи, наряду с работой В.Н. Лазарева, «являются самыми существенными трудами среди тех, которые охватывают всю научную деятельность» выдающегося ученого [35, с. 15].

Более того, у самого Вернадского стали появляться ученики в области византийской истории. Я полагаю, что в судьбе видного византиниста Георгия Александровича Острогорского историк сыграл определяющую роль. Сам Вернадский, высоко оценивая способности молодого ученого, скромно говорит, что много переписывался с ним, «вначале даже отчасти руководил его деятельностью» [36, л. 53]. Студент Острогорский писал историку из Гейдельберга с просьбой посоветовать ему тему из византийской истории по какому-нибудь вопросу хозяйственного быта Византийской империи, просил дать указания касательно методов работы. Указания эти были бы особенно ценны для тезки нашего героя, потому что «здешние» экономисты не очень сильны в проблемах византийской истории. Просил помочь и с литературой. Историк ответил ему, что у него два варианта: взять за основу источники, например, Афонские акты, второй вариант – это обзор ученой литературы по какому-нибудь вопросу, например, византийский бюджет.

В другом письме Острогорский советовался, как перевести на русский язык тот или иной греческий термин. В следующем – благодарил за советы касательно иконоборства, писал о том, как пытается пристроиться в Германии. Но дела тут – в богатом Бреслау (Вроцлав) – складывались не очень хорошо: «жили в беспокойстве и под гнетом чувства неуверенности». В 1933 г. Острогорский вновь пишет историку уже из Белграда, где «чувствуем себя хорошо и очень

рады, что перебрались сюда» [39, в. 6]. Переписка эта продолжалась и позже.

Переехав в США, историк продолжал интересоваться византийской историей. И все-таки византинистом, подобно своему другу и товарищу по научному цеху А.А. Васильеву, он не стал. Почему? Да потому, что еще в студенческую грудь проникла одна, но пламенная страсть – любовь к истории России, родной страны, которую Георгий любил, живя в ней, и ностальгировал потом до самой смерти. Справедливости ради надо отметить, что, как писал тот же А.А. Васильев, все русские византинисты интересовались Византией не только ради нее самой, но прекрасно понимая, что «чем лучше узнаешь Византию, тем лучше разберешься во многих аспектах старой России» [38, р. 491].

Собственно, (и да простит нас Д. Оболенский!) история Византии (как, впрочем, и история nomadov Евразии) не имели для него сугубо самостоятельного значения, а обретали оное лишь в связи с историей его России. Всю жизнь он стремился понять суть русской истории, ее «кровь и почву». Времени на все, конечно же, не хватало, вот почему историк так и не сумел воплотить свои планы касательно византийской истории в жизнь. Историка все больше влечет русская история, и от Византии он все больше двигается в сторону византийско-русских отношений и тех земель, которые, прежде всего, входили в сферу этих отношений: Крыма и Кавказа. Тем более что этого требовала та теория древнерусского политогенеза, которую развивал наш историк. Помимо статей (одна, важная для нас статья, осталась пока неопубликованной) [39, в. 96], здесь источником должны служить две книги из знаменитой эпопеи «История России» [40; 41; 42], а также многострадальная книга о «происхождении Руси», которая выходила в США и Франции [43].

Когда говорят о концепции русской истории Г.В. Вернадского, то в наибольшей степени упирают на ее евразийские корни, забывая о том внимании, которое историк уделял Византии. Между тем, не забывая о евразийском происхождении русской цивилизации, историк ставит Русь в широкий контекст именно византийского влияния, которое во многом эту цивилизацию и формировало. Кстати, некоторые из рецензентов (видимо, ориентированные на византийскую историю) заметили интерес нашего историка. А. Лобанов-Ростовский из университета Мичигана похвалил его «Киевскую Русь» и заметил, что очевидное желание автора пересмотреть русскую историю, что не делалось со времен Ключевского, полностью воплотилось в жизнь. Очень понравилось ему изложение княжеских «катор», а разделы о Тмутаракани и отношениях с Византией он посчитал серьезнейшим вкладом в науку. Не все понравилось в стиле, но все иностранные ученые, которые считают, что русская история началась только с возвышения Москвы, должны прочитать эту книгу [44, р. 137–138]. Тому же Д. Оболенскому понравилось, как историк показал, что Киевская Русь была интегральной частью западного мира и что отношения с Византией – одна из основных тем книги [45, р. 512].

Уже древние славяне – анты – представлялись историку, как результат симбиоза славянского и иранского населения, причем этот симбиоз мог начаться уже в глубинах Азии, откуда могла прийти хотя бы часть славян. «Ас» или «анты» жили во II в. до н. э. в Южном Казахстане и, возможно, даже в Джунгарии [40, р. 83–84]. В статье 1939 г. историк выдвинул три важнейших положения о связи аланов и антов: «Asioi» Страбона равны асам и аланам; анты тесно связаны с аланами; название «Анты» можно произвести по законам греческого языка из названия асов [46, р. 56–66]. Первое из этих положений в 1945 г. получило твердую филологическую поддержку со стороны H.W. Bailey. Что касается третьего, то уже в 1953 г. историк внес коррективы в свою концепцию. Он теперь полагал, что название «антов» происходит от санскритского *anta* (конец, ограничение) и осетинского *ändä* (снаружи). В этом смысле анты были «снаружи», т.е. за границами обитания аланских племен [47, р. 192].

Историку рисовалась картина, обычная для Евразии: клан скотоводов осуществляет свою власть над земледельческим племенем. При этом анты состояли из двух групп: западная расселялась севернее Дуная, в бассейнах Прута, Днестра и Южного Буга, а восточная группа занимала равнины севернее Азовского моря. Если в западной группировке славяне составляли большинство населения, то в восточной, видимо, сарматский элемент был более заметен [46, р. 63–64].

С антов начинается собственно русская история и уже эти анты попадали в Крым. Их появление можно отнести ко времени ранее III в. «Аланы», «асы», «анты» – все эти племенные названия оставили прочный след в топонимике Крыма [48, р. 249–250]. Даже древняя столица готов в Крыму – Дорас называется не по-кельтски, а по-алански – Дор-Ас, и в связи с этим можно вспомнить и другие топонимы с «ас» [49, р. 499]. Кстати, аланам русские обязаны и своим именем. Правящие аланские роды были известны как «рухс ас» (светлые ас). Иранское племенное название могло быть рационализировано славянами с помощью своего языка («Рос» от «росы»). «Рухс» могло в нескольких местных славянских диалектах звучать как Рос или Рус, в свете чего происхождение греческого Ρως и славянского Рус становится понятным [40, р. 97, 107–108].

Вторжение авар и последовавшее за тем продвижение тюрок в Азовский регион нарушили баланс сил в северном Черноморье и тем самым открыли новый период в жизни народов западной Евразии, особенно повлиявший на судьбы антов [46, р. 65]. Аварский период можно считать временем анто-славянской колонизации Балканского полуострова. Международная ситуация менялась под влиянием распространения новой религии – ислама, быстрой экспансии Арабского Халифата [40, р. 175–176].

В поле зрения историка его любимая Таврида¹, Таврия² и Северный Кавказ. На этих просторах происходят важные события. Под началом очередного степного гения хана Кубрата (Курта) в результате

объединения между двумя основными болгарскими племенами (кутригурами и утигурами) формируется Великая Болгария. Стратегически важные проходы сквозь Большой Кавказский хребет оказываются в руках аланов, чье объединение расцветает в это время на Северном Кавказе.

Понятно, почему анты уходят из византийских хроник уже с началом VII в.: западные анты распались на отдельные племена, и к тому же создание Дунайской Болгарии отделило их от Византии. Что же касается восточных антов, то они нашли убежище на Северном Кавказе и смешались с аланами [42, р. 66]. Историк замечает, что примерно в то же время, когда хазары разбили Великую Болгарию, они, должно быть, также завоевали (около 650 г.) северокавказских аланов или асов; таким образом, правители аланов становятся вассалами хазарского кагана [40, р. 203–204].

Территории, населенные как северокавказскими асами, так и приазовскими асо-славянами (антами) входили в состав хазарского государства. Из этого следует, что иранцы и славяно-асы (анты), скорее всего, играли важную роль, поскольку асы, вероятно, были наиболее развитым народом в политической сфере. Из литературных источников известно, что в хазарской армии был асо-славянский контингент. Северокавказские асы охраняли Дарьяльский проход для хазар. Войска асов и асо-славян использовались также и в других местах. Интересным свидетельством влияния славян на хазарскую жизнь является употребление хазарами славянского слова «закон». У хазар были города, среди которых интересна Тмутаракань на Черном море в дельте Кубани. Согласно версии историка, у хазар в роли бека, т.е. второго правителя, мог выступать и ас – представитель антского сообщества.

Под защитой хазар рус-асы в Азовском регионе жили в мире и довольстве около столетия, за исключением тех случаев, когда они должны были оказывать помощь господствующему над ними народу в защите кавказских горных проходов от арабов. Однако настало время, когда хазары больше не в состоянии были сдерживать своих врагов. Начинаясь новая варяжская эпоха...

Захватив Верхний Салтов, варяги открыли для себя ворота к донецко-донскому речному пути и вниз к Азовскому морю. Отряд шведов, контролировавший местные племена асов и рухс-асов (русь), видимо, не был многочисленным, и постепенно шведы не только смешались со своими вассалами, но и приняли их название и сами стали известны сначала как асы, а затем как русь [40, р. 268–274]. Так в Приазовье возник «Русский каганат».

Русский каганат существовал уже в первой половине девятого века; однако среди исследователей русской истории нет согласия по вопросу его местоположения. Уже во времена нашего историка вокруг этого каганата кипели жаркие споры, благо сведений он нем – «с гулькин нос»! Эти споры продолжаются и сейчас [50]. Концепция историка явно не хуже других. Глубокий знаток наших южнорусских древностей А.В. Гадло отмечал: «Г. Вернадскому на

почве Приазовской Руси удалось сконструировать изящную, хотя и эклектичную, гипотезу о существовании Асо-славяно-норманнского каганата в Тмутаракани, откуда он начинает историю Русского государства» [51, с. 43–44]. Сам Гадло убедительно показал широкое распространение и в Крыму и в Предкавказье салтовской культуры. Но это отнюдь не уничтожает концепцию нашего историка, ведь то, что точно ясно касательно этой культуры, – это то, что она полиэтнична. Вот почему среди многих историков столь настойчиво сейчас стремление помещать Русский каганат примерно там, где и историк, только далеко не всегда со ссылками на него. Тем более что северное расположение «каганата» справедливо признано самым неубедительным [52, с. 123].

Вернадский развивал воззрения Е.Е. Голубинского и В.А. Мошина, которые считали, что каганат находился в Тмутаракани. Впрочем, историк, хоть и настаивал на том, что центр Русского каганата первой половины девятого века находился в Приазовье, но не отрицал возможности тесных связей между севером и югом в этот период, осуществившихся по донецко-донскому речному пути. Верхний Салтов в верховьях Донца был, вероятно, важным пунктом на этом пути. Использование руссами титула «каган» подтверждают и восточные источники. Они рисуют картину военно-торгового «государства» с верхушкой и общим равенством народа [42, р. 189–191]. Крупное землевладение здесь не было развито, главную роль играла дань, которую руссы собирали с подвластных славянских и неславянских племен.

Он согласен с теми исследователями, которые считают Русь в это время врагами хазар. Но на каком основании их помещать в Новгороде? Они базировались в Приазовье. Защищаясь от них, хазары построили знаменитую крепость Саркел. Именно из Приазовья отправилось не менее знаменитое посольство, упомянутое в Бертинских анналах.

В 1946 г. была опубликована книга А.А. Васильева. Известный византинист направил вышеназванных послов непосредственно из Киева. Вернадский в рецензии с этим категорически не согласился. Он тонко подметил не только то, что учитель Васильева, знаменитый петербургский византинист Васильевский, доверяя «Житию» Стефана Сурожского, обнаруживал активность руси в Причерноморье, но что и сам Васильев в книге, посвященной готам в Крыму, принимал идею своего учителя. Затем он, однако, изменил мнение и присоединился к Генри Грегуару и его ученице да Коста-Лоулетс, которые подвергают сомнению аутентичность памятника. Никаких дополнительных доказательств они не представили и, более того, сами признают проникновение руссов в Таврию, что позволяет продолжать дискуссию [53, р. 308–309].

Дискуссию историк продолжил в специальной статье, которую можно считать образцом историографического и источниковедческого анализа. Он внимательно проанализировал взгляды Грегуара и его последовательницы да Коста. Историк с полным

основанием обвинил Грегугара в гиперкритицизме. Он, конечно, полезен для развития исторического знания. Но он может стать пагубным и мешать знанию. Г. Острогорский уже отвел атаку Грегугара на основательность истории о походе Олега. Историк в статье ставит цель рассмотреть аутентичность житий Стефана и Георгия. При ближайшем рассмотрении оказалось, что вся аргументация противников житий строится на «впечатлениях» да Коста и неправильной интерпретации обоими названия «Propontis» [54, р. 188–189].

В одной из работ историк анализирует *Notitia Episcopatum*, где содержится список епископий епархии Готии, который очень важен для понимания проникновения христианства как в Крым, так и на Северный Кавказ [55, р. 67]. Он ввязывается в спор по поводу датировки *Notitia*. Уже первый издатель документа De Voog предположил, что он происходит из разных источников без всякой попытки компилятора как-то гармонизировать свои данные. Это вполне может относиться и к случаю «готской епархии». Анализ текста убеждает его в таком мнении.

Вернадский приводит доказательства в пользу того, что список был составлен Константином Философом на основе информации, собранной им во время его путешествий [55, р. 70]. Гипотетическое восстановление маршрута Константина позволяет историку идентифицировать ряд мест, упомянутых в списке, начиная с хазарской столицы Астел (Итиль) и т.д. Выяснилось, что Философ посетил шесть из семи пунктов, упомянутых в списке. Не побывал он только в Тмутаракани. Это не значит, что энергичный просветитель не интересовался этим местом. Его визиту сюда помешали обстоятельства. Впрочем, создание этой епархии само конституирует некую проблему, ведь Тмутаракань была местом дислокации главы «Русского каганата». Отсюда, как предположил уже Е.Е. Голубинский, отправлялись русы в 860 г. в поход на Константинополь.

Ясно, что после этого грозного нашествия византийцы не могли не использовать по отношению к руссам свою тактику: привести своих врагов к христианству, чтобы умиротворить их. Константин весьма интересовался русами – не случайно он изучал «русские письма» в Крыму. Вполне возможно, что в этот раз русы не пустили его в свою епархию.

Но почему византийцы приняли решение подчинить готской епархии и Тмутаракань, и хазар? По мнению историка, первоначальный план был шире: хотели создать отдельную хазарскую епархию. Но миссия Философа не совсем удалась, хотя создание общей епархии, как казалось, было оптимальным компромиссным вариантом. Как бы то ни было, к началу X столетия единой епархии уже не было. Что же касается Тмутаракани, то ее статус в начале правления Василия I повысился до архиепископии. При этом согласно *Notitia Gelzer III* (969–976), она находилась в связи с Зихией, т.е. западной частью Северного Кавказа. После крещения Владимира (988) судьба Тмутараканской епархии была тесно связана с судьбой русской церкви [55, р. 75–76].

Под датой 6374 (866 г. н. э.) в «Повести временных лет» записано, что Аскольд и Дир предприняли кампанию против Константинополя. Из византийских источников мы знаем, что первое русское нападение на Константинополь было в 860, а не в 866 г. Поэтому следует считать, что во фрагменте из «Повести временных лет» допущена хронологическая ошибка на шесть лет. Должно быть, кампания была предпринята совместными усилиями Аскольда и Дири и Русского каганата. Русы всех концов Восточной Европы хотели объединяться. Похоже, что и Рюрик активно поддержал инициативу Аскольда. В «Происхождении Руси» историк подробно рассмотрел этот поход и нашел новые аргументы в пользу своей гипотезы, внес много нового в восприятие этого похода, даже по сравнению с классической монографией А.А. Васильева [42, р. 213–266].

О положении в Русском каганате тех лет сведений мало. Представляется, что кампания 860 г. была хорошо подготовлена, и для нее было выбрано подходящее время [40, р. 343]. Одним из результатов этой кампании, вернее ее неудачи, стало начало крещения русов. Конечно, это была только часть русов. Судя по всему, первая епископия находилась все в той же Тмутаракани [42, р. 225]. Были и другие последствия – договоры, а также создание варяго-славянской дружины в Константинополе.

Византия предпринимала меры по охране своей территории от русов. Одним из орудий борьбы «льстивых греков» с противником было навязывание им христианства. Патриарх Фотий – человек высокого интеллекта сыграл тут огромную роль, тем более что императору тогда было немногим за 20 лет. Историк дает яркий портрет (интеллектуальный) этого славного деятеля [42, р. 227–228]. Замечательно то, что он считал, что в идеале нужно было крестить и русов, и хазар. Именно это и стало целью миссии Константина в Хазарии. Константин, известный в славянском мире больше под именем Кирилл, был одним из лучших учеников Фотия и чрезвычайно одаренным человеком. На пути в Хазарию Кирилл остановился в Херсонесе, где завершал обучение древнееврейскому языку. Славянские языки он знал уже с детства.

Кирилл нашел в Херсонесе список Евангелия и псалмов, написанных по-русски. Тут историку вновь приходится ввязаться в давний спор. Касательно языка, на котором были написаны эти произведения, было высказано много точек зрения. Одно время его считали готским. В 1935 г. французский ученый А. Вайян посчитал, что имелись в виду «сурские» (сирийские) буквы. Вернадский посчитал, что сирийская гипотеза более правдоподобна, чем готская, «но в то же время мы стоим перед тем фактом, что ни в одном из списков “Жития” Константина в этом фрагменте не читается “сурьскы”, в то время как в некоторых манускриптах нет “русьскы”, но есть “росьскы” или “рускы”, так что возможность вывести “русьскы” из “сурьскы” в этом фрагменте чрезвычайно мала». Он удачно определил эту ситуацию как «конфликт между надежным историческим источником и твер-

до устоявшимся компендиумом мнений историков» [42, р. 233].

Более того, из содержания рассказа ясно, что главной трудностью для Константина было разобрать буквы, а не понимать язык, что ему удалось легко, сравнив этот язык со своим собственным (своей беседе прикладая), то есть, несомненно, сравнивая русский с македонским славянским наречием. Все это вместе говорит о том, что простейший путь объяснения текста – это читать его таким, какой он есть, и согласиться с тем, что манускрипт действительно был на русском, то есть на языке южной руси (асов, антов), или более точно – на языке крымских асов или русов. В пользу этого может свидетельствовать использование позже Константином этнонима «сугдеаяне», под которыми он, видимо, подразумевал и асов, и русов, поскольку русы были кланом асов [40, р. 233–235, 348–349]. Алфавит, по мнению историка, мог состоять из грузинских и армянских букв, в свое время заимствованных аланами на Кавказе.

С политической точки зрения миссия Константина была успешной, чего не скажешь о церковных делах. Через три или четыре года после его миссии хазарский каган был обращен в иудаизм.

Описав приключения Философа в Хазарии, Вернадский сделал вывод о том, что, хотя ему удавалось распространять христианство в Крыму и на Северном Кавказе, Константин не сумел обратить тмутараканских русских, которые решительно отказались принять его. Однако пример крымских и северокавказских асов и русов со временем подействовал и на тмутараканских русов, и в 867 г. патриарх Фотий мог торжественно провозгласить, что народ рос, известный своей дикостью, теперь принял христианского епископа и стал исполнять христианские обряды с большим усердием. К сожалению, Фотий не указал в своем послании, где располагалась епархия русского епископа, поскольку тмутараканская епархия упомянута в перечне епархий Готии, который, по мнению Вернадского, был, видимо, составлен Константином после его возвращения из Хазарии. Поэтому нам следует считать тмутараканское епископство зародышем русской церкви.

Историк выступил на стороне тех исследователей (например, Г. Острогорского), которые были за аутентичность знаменитого похода Олега на Царьград. Он, правда, дал другую датировку этому походу: не 907 г., а 904 [40, р. 255–257]. Не знаю, как кого, а меня его аргументы убеждают. Самым существенным результатом похода стало заключение русско-византийского договора в 907 г., а затем и нового договора в 911 г.

С политической, как и со стратегической точки зрения, Тмутаракань в десятом веке была столь же важна, как и Киев. Поход Владимира на Крым в 989 г. в какой-то мере был мотивирован его стремлением обеспечить себе владение Тмутараканью, старой столицей первого Русского каганата. Характерно то, что после крымской кампании Владимир присвоил себе титул кагана, который сохранил за собой и его сын Ярослав.

Таким образом, правители Киева стали политическими преемниками русских каганов Тмутаракани. Использование титула кагана первыми киевскими князьями ясно демонстрирует широту их политических интересов, а также их мечты о создании империи. Новые набеги тюркских кочевников, сначала печенегов, а затем куманов (половцев), отрезали Киев от Приазовья и сделали невозможным осуществление плана создания империи. Положение города как потенциальной столицы империи, таким образом, было подорвано. В свое время утрата Киевом связи с Приазовьем и Северным Кавказом стала одной из главных, хотя и не прямой, причин последующего упадка и окончательного крушения Киевского каганата [40, р. 370].

У русских князей был свой «имперский план». Были тут и свои мечты, и своя реальность. Варяги встречали поддержку со стороны славян, но силы самого киевского образования были невелики – всего несколько племен. Таких сил для войны на два фронта – против Византии и востока – было мало.

Первый успех при Олеге, а первое затруднение в осуществлении имперского плана возникло уже при Игоре Старом. Важнейшим результатом его активности стало подписание нового договора с Византией (945 г.), который подтвердил и расширил договоры 907 и 911 гг.

В этом договоре историк особо отметил статьи, посвященные Крыму. Место это не совсем ясное. Согласно предположению Вернадского, русский князь обязался защищать Крым от черных болгар и содействовать императору в усмирении тех городов (очевидно под хазарским протекторатом), которые не хотели признавать авторитета императора. Другими словами, это был альянс между русскими и византийцами, направленный против хазар и черных болгар [56, р. 249–259; 42, р. 267]. Князь, который фигурирует в договоре, – это не Игорь, а русский каган из Тмутаракани.

В неопубликованной статье историк возвращается к этому «первому документальному свидетельству о русских в Крыму». Он рассматривает статью 8 договора («О Корсуньской стороне»), как она отразилась в Ипатьевской летописи. Историк приходит к выводу о том, что идущая от М.Ф. Владимирского-Буданова трактовка этой статьи, как отказа русского князя от притязаний на «Херсонскую страну», неверна. Советским публикаторам договора даже пришлось вставлять частицу «не», чтобы эту гипотезу подтвердить. Наш историк считает, что смысл этой статьи обратный: император не только признает права русских на восточную часть Крыма, но даже обещает помощь в поддержке этих прав [39, с. 3–4]. Русские оставались в Крыму и после 945 г., о чем свидетельствует «Записка готского топарха».

Короткое правление Святослава стало одним из самых драматических периодов русской истории. Дав вместе с Львом Диаконом блестящий портрет русского воителя (не забыв сравнить его с казацкими предводителями более поздних времен), историк перешел к анализу его деятельности и здесь, как

всегда, нашел «крымский след». Дело в том, что Святослав, как и Олег, хотел объединить силы с Тмутараканью, чтобы установить контроль над азовским регионом и открыть дорогу в Каспийское море. Крымские готы и русичи, жившие в Крыму (по предположению А.А. Васильева) обратились к Святославу за помощью в борьбе с хазарами. Поход на хазар прекрасно датируется ярким астрономическим событием, которое наблюдали участники посольства, возвращаясь в Крым. Это не 965, а 963 г.! Разобраться в перипетиях внешней политики Святослава не так легко, но историк с честью вышел из этой ситуации. Кстати, после поражения от войск Цимисхия Святослав заключил с греками договор (971 г.), по которому отказался от своих притязаний на Крым и Болгарию [40, р. 43–44, 51]. Впрочем, отказался он не от всего Крыма, а только от «Херсонской фемы» [39, с. 6].

«Следующий знаменательный этап в истории русско-византийских отношений в Крыму – поход Владимира на Корсунь в 989–990 гг.». Рассматривая знаменитый поход Владимира на Корсунь, надо говорить не только о политической, но и о церковной стороне этого мероприятия. Кстати, раздел о походе в статье так и называется: «Взгляд из Тмутаракани». Историк убедительно показывает, что Владимир напал на Корсунь отнюдь не только потому, что это был самый уязвимый византийский город, но имея ввиду и епархию в расположенной рядом Тмутаракани. «Он мог бы установить контроль над несколькими епископиями, включая и древнейшую – в Тмутаракани [57, р. 295–297; 41, р. 64–68]. Кроме того, хотелось вернуть под свой протекторат крымские земли, потерянные при Святославе [42, р. 297].

Осада Корсуни показала, что в городе было про-русски настроенное население. Видимо, еще больше русскоязычного населения было в восточном Крыму, который контролировался в свое время Игорем и Святославом. После взятия Корсуни (Херсона) император, наконец, отпустил свою сестру Анну на Русь. Владимир и Анна повенчались в Корсуни, после чего русский князь вернул императору Корсунь в виде вена. Но вернул он только город с прилегающей территорией, а русские владения в восточной части Крыма остались за Владимиром [39, с. 7].

Опираясь на работы своего друга и товарища по научному цеху – А.А. Васильева – историк пишет о путешествии Владимира с полученной уже от византийцев невестой из Корсуни в Керчь. Вероятно, он побывал и в Тмутаракани и отсюда привез епископов и священников. В Тмутаракани он взял себе титул кагана, который впоследствии он точно имел [57, р. 301].

Весной или летом 990 г. Владимир вернулся в Киев, и с этого времени до 1037 г. происходило закладывание основания русской Церкви. К концу правления Владимира было уже семь епископий, да еще плюс епископия в Тмутаракани, возникшая еще раньше. Сложен вопрос об отношениях русской Церкви и Византии при Владимире. Историк отказывается от концепции одного из своих учителей – М.Д. При-селкова: ему не удалось доказать, что русская Цер-

ковь была под началом болгарского архиепископа в Охриде. Историк теперь вместе с Владимиром стоит на том, что христианство и церковь из Византии, а вслед за Е.Е. Голубинским утверждает, что первая епархия в Тмутаракани. Но власти византийских иерархов Владимир не признает. Более того, историк считает, что архиепископ Тмутаракани был прimateм всей русской церкви при Владимире. Это была автокефальная архиепископия, авторитет которой был практически равен патриархату [41, р. 65]. Он выше авторитета митрополита, подчиненного, как известно, патриарху. В более поздней работе он даже склонен считать главой церкви самого великого князя [42, р. 302]. Все эти наблюдения подтверждает тонкий и дотошный анализ Устава Владимира, над которым поработали позднейшие переписчики [57, р. 305–310].

Из описания «которые» между сыновьями Владимира, интересны соображения о попытках Мстислава возродить былую славу старого русского каганата в Тмутаракани. Тем более что предположительно Тмутаракань по-прежнему была религиозным центром Руси в это время [41, р. 77]. Годы «которые» Мстислав употребил на то, чтобы укрепить свою власть в Приазовье и округлить свои владения по обеим сторонам Керченского пролива. В развернувшейся войне с Хазарией в союзе между собой выступили Византия и Тмутараканская Русь. Такое сотрудничество было предусмотрено договором 945 г., и вот оно – в жизни! Результат был благоприятен и для Тмутаракани, и для Империи: последняя устранила опасность хазарских набегов на «Корсунскую фему», а первая – обезопасила свои владения в восточном Крыму (в состав этих владений, видимо, входил и Сурож (Сугдея) [39, с. 8–9].

Правление Ярослава Мудрого было продолжением предшествующих. При нем определилось положение русской церкви – прибыл митрополит из Византии, что, впрочем, не помешало русско-византийским отношениям в скором времени испортиться. Дело не ограничилось войной 1043 г., по поводу которой есть разные версии и в источниках и в историографии.

Этой войне Вернадский посвятил отдельную интереснейшую статью. До него война рассматривалась лишь известным византинистом Г. Шлюмбергером в 1905 г., который больше поставил вопросов, чем дал ответов. Историк начал с твердой источниковедческой основы, рассмотрев все источники: византийские, древнерусские и восточные. На основе этого добротного материала он нарисовал свою подробную картину событий, сведя все сведения источников воедино и дав последовательность этапов: причины войны, хронологию, оценку вооруженных сил русских и византийцев, описал саму битву (вернее, битвы, которые произошли между византийцами, с одной стороны, и русскими и варягами, с другой) [58, р. 123–135].

Но мало этого! Историк показал, что это все отнюдь не единичное столкновение: он поставил эти события в общей контекст русско-византийских

отношений. Оказывается, русские и варяги хотели скоординировать свое нападение на Царьград не только с выступлением своей «пятой колонны» в городе, но и наступлением на него восставшего военачальника Георгия Маниакеса. Историк ввел эти события и в контекст церковных отношений, связав следующее обострение в этих отношениях со смелой попыткой, предпринятой Ярославом, в 1051 г. придать самостоятельность русской церкви и избрать своего, русского митрополита. Историк предположил, что в 1052 г. было заключено политическое соглашение между Русью и Византией, и, судя по всему, Илларион пал жертвой этих политических игр [58, р. 135–146]. Что же касается Крыма, то последствием русской неудачи стало распространение византийской власти, в частности город Сурож (Судея) был занят византийцами [39, с. 9–10].

В 1927 г. историк выступал на II Международном съезде византинистов в Белграде. В его архиве хранится резюме этого выступления и сам текст [59, б. 96]. Резюме в расширенном виде было опубликовано [60, р. 269–276]. Историк отмечал, что характер отношений между Византией и Русью менялся в зависимости от международной ситуации и социально-политического развития и Византии, и Руси. В другой работе он отмечает, что в 1060-е гг. наметилось усиление русской активности в Крыму [39, с. 10], хотя межкняжеские раздоры ослабили положение русских. Вся эта активность носила уже несколько другой характер, определявшийся изменением международной ситуации, а главное – внутренними сдвигами внутри Тмутараканского социума. Историк фактически подвел к выводу, который за него сделал другой исследователь, через несколько десятков лет – А.В. Гадло [61, с. 128]. Русичи здесь создали такой же город-государство, древнерусскую политику, столь характерную для Киевской Руси [62]. Город-государство немислим без округи, без во-

лости, которая в данном случае располагалась и в Приазовье, и в Крыму.

Русско-византийские отношения в XII – начале XIII века выяснены в самых общих чертах. Так, нельзя считать установленной личность посла в Галицию в 1164–1165 гг. Остается под вопросом личность одного из князей, с которым вел переговоры этот посол. Он фигурирует под именем «Первослав», но такой князь другим источникам не известен.

Историк хочет понять, каким образом византийские правители старались распространить свою власть на русские земли. Для этого он анализирует термины, которыми оперируют византийские писатели Киннам и Никита Хониат. Эти термины выражали разные оттенки власти русских князей с точки зрения византийцев. Впрочем, князья не хотели признавать свою власть «делегацией власти» византийского императора. Чтобы найти выход из этой ситуации, византийцы пытались повязать русских князей полufeодальными и феодальными договорами, превратить их в вассалов разных типов. Кроме того, они вмешивались в отношения между русскими князьями, старались создать коалиции князей, куда включить и Венгрию, и стравливать эти коалиции между собой (данный сюжет в резюме отсутствует).

Подводя некоторый итог, можно сказать следующее. Есть два варианта мобилизации историографических сведений. Мобилизовали и сделали вывод: интересно только для истории исторической науки. Но есть вариант и с другим выводом, крайне полезным для дальнейшего развития науки. В случае с Георгием Вернадским вариант именно такой. Его наблюдения и выводы, многие из которых отторгались коллегами и казались даже курьезными, теперь нашли убедительное подтверждение на путях дальнейшего развития исторической науки. Я убежден, что такова судьба большинства открытий этого замечательного русского ученого.

Примечания

¹ Историк всегда остается историком и объясняет в одном месте своей книги, почему он использует псевдоклассическое «Таврида» вместо «Крым». Ведь само название «Крым» появилось лишь после монгольского нашествия, происходит от тюркского слова и применялось только к территории Перекопа.

² Это степное пространство между Днепром и Азовским морем.

Литература и источники

- Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden. 1985. Bd. 36. P. 55–194.
- Obolensky D. Professor Vernadsky's History of Ancient and Medieval Russia // Oxford Slavonic Papers. Vol. V. Oxford: at the Clarendon Press, 1954. P. 20.
- Медведев И.П. Петербургское византинистоведение. Страницы истории. СПб.: Алетейя, 2006. 334 с.
- Н. Успенская – Г. Вернадскому. 1 ноября 1928 г. // Бахметевский архив российской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета (далее – BAR); George Vernadsky Papers (GVP). Box (B.) 11.
- Пещерный храм св. Николая. // BAR. GVP. B. 100.
- Vernadskij J. [G. Soteriou. O naos tou hagiou Demetrious Thessalonikes. Athens, 1920] // Česky časopis historicky. R. XXVIII. Sešit. 1–2. Praha, 1922. S. 203–204.
- Vernadskij J. [G. Soteriou. Anaskaphai tou en Ephesos naou Ioannou tou theologou. Proton etos Anaskaphon. Athens, 1922] // Česky časopis historicky. R. XXIX. Seš. 3–4. Praha, 1922. S. 284–285.
- Vernadskij J. [Памятники Синая археологические и палеографические. Вып. 1. / под ред. В.Н. Бенешевича. Л., 1925] // Česky časopis historicky. R. XXXII. Seš. 3. Praha, 1926. S. 590–593.
- Вернадский Г.В. Памятники искусства и старины средневекового Пелопонисса // Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии (бывш. Таврической Ученой архивной комиссии). Т. I (58-й) / Под ред. секретаря о-ва Н.Л. Эрнста. Симферополь, 1927. С. 29–33.

10. Постскриптам к рецензии В.А. Розова на [Milos Weingert. Byzantské Kroniky u literature cirkevneslovanske. Přehled a rozbor filologicky. Bratislava, 1922] // *Slavia. Časopis proslovanskoz filologii*. 1924. Ročník III. Seš. 2 a. 3. Str. 485–486.
11. Vernadskij J. [Nikos A. Bees. Serbisch-bzyantinische Urkunden des Meteronklosters. Berlin, 1923] // *Slavia. Časopis proslovanskoz filologii*. 1924. Ročník III. Seš. 2 a. 3. Str. 550–551.
12. Vernadskij J. [N. Banescu. Changements politiques dans les Balkans après la conquête de l'Empire Bulgare de Samuel (1018). Nouveaux duchés Bywantis: Bulgarie et Paristrion. Bucarest, 1923] // *Slavia. Časopis proslovanskoz filologii*. 1924. Ročník III. Seš. 2 a. 3. Str. 549–550.
13. Vernadskij J. K otázce o rozměrech byzantského rozpočtu // *Český Časopis historický*. R. XXVIII, 1922. Seš. 3–4. V Praze, 1923. Str. 421–425.
14. Vernadskij J. Byzantské popisy půdy // *Český Časopis historický*. R. XXIX. Seš. 3–4. Praha, 1923. Str. 443–457.
15. Vernadskij J. [Mutafčiev P. Vojniški zemli i vojnici v Vizantija pžež XIII – XIV v. Sofia, 1923] // *Český Časopis historický*. R. XXXII, 1923. Seš. 3. S. 606–608.
16. Вернадский Г.В. Заметки о византийских купчих грамотах // Сборник в честь на Васил Н. Златарски по случай на 30-годишната му научна и професорска дейность. Приготовен от неговите ученици и почитатели. София, 1925. С. 35–43.
17. Панченко Б.А. Крестьянская собственность в Византии // *Известия Русского Археологического Института в Константинополе*. 1904. Т. IX. С. 230.
18. Georges Vernadskij G. Sur les origines de la Loi agraire byzantine (Νομος Γεωργικός) // *Byzantion. Revue Internationale des Etudes Byzantines*. Publié par Paul Graindor et Henri Grégoire. T. II (1925). Paris; Liège, 1926. P. 169–180.
19. Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М.: Гос. из-во иностранной лит-ры, 1947. 181 с.
20. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.2. М.: Астрель, АСТ, 2005. 624 с.
21. Архив Российской Академии Наук (РАН). Ф. 518. Оп. 3. Д. 313. Л. 14
22. Вернадский Г.В. Византийские учения о власти царя и патриарха // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова (Recueil d'études dédiées à la mémoire de N.P. Kondakov). Прага: Seminarium Kondakovianum, 1926. С. 143–154.
23. Вернадский Г.В. Введение // *Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's Refutation* / Edited, with introduction and Notes by Valerie A. Tumins and G.Vernadsky. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publishers, 1982. P. 21.
24. Schmid H.F. [Отзыв на статьи Г.В. Вернадского и Вас. Марковича] // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Siebenundvierzigster Band. Kanonistische Abteilung XVI*, 1927. S. 530–533.
25. Vernadsky G. Die kirclich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluss auf das russische Leben im XVII. Jahrhundert // *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. Internatoinales Wissenschaftliches Organ. Sechster band Jahrgang 1927/1928*. Athen: Verlag P.D. Sakellarios, 1928. S. 119–142.
26. Сокольский Вл. О характере и значении Эпанагоги // *Византийский временник*. Спб., 1894. С. 17–54.
27. Vernadsky G. The Tsardom of Moscow. 1547–1682. Part I, II. New Haven and London: Yale University Press. 1969. 873 с.
28. Vernadsky G. «The Tactics» of Leo the Wise and the Epanagoge // *Byzantion. Revue Internationale des Etudes Byzantines*. T. VI (1931). Bruxelles, 1931. P. 333–335.
29. Vernadsky G. Review [Albert Fogt, ed., trans., comm., Constantin VII Porphyrogénète, Le Livre des Cérémonies Paris, Société d'édition «Les Belles Lettres» I (1935); II (1939–1940)] // *Byzantion. International Journal of Byzantine Studies*. Vol. XV. Published by the Byzantine Institute. Boston, 1940–1941. P. 500.
30. Вернадский Г. Золотая Орда, Египет и Византия в их отношениях в царствование Михаила Палеолога // *Seminarium Kondakovianum*. Прага: «Seminarium Kondakovianum», 1927. С. 73–84.
31. Вернадский. Исследования по истории Византии. // *BAR. GVP*. В. 170.
32. Вернадский Г.В. О значении научной деятельности Н.П. Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения, 1844 – I-XI-1924 (Речь, произнесенная на III съезде русских ученых в Праге 25 сентября 1924 г.). Прага, 1924.
33. Вернадский Г.В. Н.П. Кондаков, к его восьмидесятилетию (1944–1924) // *Slavia. Časopis proslovanskoz filologii*. 1924. Ročník III. Seš. 2 a. 3. Str. 560–563.
34. Вернадский Г.В. Н.П. Kondakov // *Recueil d'études dédiées à la mémoire de N.P. Kondakov*. Prague, 1926. P. IX–XXXIII.
35. Кызласова И.Л. От составителя // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласовой. М.: «Индрик», 2002. С. 416 с.
36. РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 310.
37. Г.А. Острогорский – Г.В. Вернадскому. 16 января 1924 г.; 23 марта 1926 г.; 29 июня 1927 г.; 30 октября 1933 г. // *BAR. GVP*. В. 6.
38. Vasiliev A. Review [М.В. Левченко. История Византии. Краткий очерк. М.; Л., 1940] // *Byzantion. International Journal of Byzantine Studies*. Vol. XV. 1940–1941. Boston, Mass. P. 489–495
39. Вернадский Г.В. Корсунь в русско-византийских отношениях X и XI вв. // *BAR. GVP*. В. 96
40. Vernadsky G. *Ancient Russia*. New Haven: Yale University Press; London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1943. 425 p.
41. Vernadsky G. *Kievan Russia*. New Haven: Yale University Press, 1948. 412 p.
42. Vernadsky G. *The Origins of Russia*. Oxford. At the Clarendon Press. 1959. 354 p.
43. Vernadsky G. *Essai sur les origines russes* / Traduit de l'anglais Albert Colnat / L'Orient et Haut Moyen Age Illustrés. Paris, 1959. 552 p.
44. Lobanov-Rostovsky A. Review [“Kievan” Russia by George Vernadsky] // *The American Historical Review*, Vol. 54. No. 1. October, 1948. P. 137–138.
45. Obolensky D. Review [“Kievan Russia” by George Vernadsky] // *The English Historical Review*. Vol. 64. No. 253. October, 1949. P. 512.
46. Vernadsky G. On the Origins of the Antae // *Journal of the American Oriental Society*. 1939. Vol. 59. No 1. Mar. P. 56–66.
47. Vernadsky G. Note on the name 'antes' // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 73. No. 3. July – September, 1953. P. 192.
48. Vernadsky G. The Rus in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945 // *Byzantina-Metabyzantina*. T. I. N.Y., 1946. P. 249–250.
49. Vernadsky G. Review [Alexander A. Vasiliev. The Goths in the Crimea (Monographs of the Medieval Academy of America, No 11). The Medieval Academy of America, Cambridge, Mass., 1936] // *Byzantion. International Journal of Byzantine Studies*. Vol. XV. Published by the Byzantine Institute. Boston, Mass. 1940–1941. P. 497–499.
50. Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия, М.: ИД КЛИО, 2014. 560 с.
51. Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 362 с.
52. Толочко А.П. Очерки начальной руси. Киев; СПб.: Лаурис, 2015. 336 с.
53. Vernadsky G. Review [Alexander A. Vasiliev. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge: Mediaeval Academy of America, 1946] // *The American Historical Review*. 1947. Vol. 52. №. 2. Jan. P. 308–309.
54. Vernadsky G. The Problem of the Early Russian Campaings in the Black Sea Area // *American Slavic and East European Review*. 1949. Vol. 8. №. 1. Feb. P. 1–9.

55. Vernadsky G. Byzantium and Southern Russia. Two Notes: I. The Eparchy of Gothia; II. The Date of the Conversion of the Khazars to Judaism // *Byzantion. International Journal of Byzantine Studies*. Vol. XV. Published by the Byzantine Institute. Boston, Mass. 1940–1941. P. 67–86.
56. Vernadsky G. The Rus' in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945 // *Byzantina-Metabyzantina*. 1946. № 1. P. 249–260.
57. Vernadsky G. The Status of the Russian Church during the First Half-Century Following Vladimir's Conversion // *Slavonic Year-Book. American Series*, Vol. 1 (1941). P. 294–314.
58. Vernadsky G. The Russo-Byzantine War of 1043 // *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. Internationales wissenschaftliches organ. Achtzehnter band (1945–1949)*. Athen: Verlag der «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher», Philopappu Str. 12, 1960. P. 123–143.
59. BAR. GVP. B. 96.
60. Vernadsky G. Relations byzantino-russes au XIIe siècle // *Byzantion. Revue Internationale des études byzantines*. T. IV (1927–1928). Paris; Liège. 1929. P. 269–276.
61. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 238 с.
62. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.

References

- Halperin C.J. *Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism*, Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden. 1985. Bd. 36. P. 55–194.
- Obolensky D. *Professor Vernadsky's History of Ancient and Medieval Russia*, Oxford Slavonic Papers. Vol. V. Oxford: at the Clarendon Press, 1954. P. 20.
- Medvedev I.P. *Peterburgskoe vizantinovedenie. Stranitsy istorii [Petersburg Byzantine Studies. Pages of history]*. St. Petersburg: Aleteia, 2006. 334 p.
- N. Uspenskaya – G. Vernadskomu. 1 noyabrya 1928 g. [N. Uspenskaya – G. Vernadsky. November 1, 1928], Bakhmetevskii arkhiv rossiiskoi i vostochno-evropeiskoi istorii i kul'tury Kolumbiiskogo universiteta (BAR) [Bakhmetevsky archive of Russian and East European history and culture at Columbia University]; George Vernadsky Papers (GVP). Box (B.) 11.
- Peshchernyi khram sv. Nikolaya [temple de la grotte de la Sainte Nicholas], BAR. GVP. B. 100.
- Vernadskij J. [G. Soteriou. O naos tou hagiou Demetrious Thessalonikes. Athens, 1920], *Česky časopis historicky*. R. XXVIII. Sešit. 1–2. Praha, 1922. S. 203–204.
- Vernadskij J. [G. Soteriou. Anaskaphai tou en Ephesos naou Ioannou tou theologou. Proton etos Anaskaphon. Athens, 1922], *Česky časopis historicky*. R. XXIX. Seš. 3–4. Praha, 1922. S. 284–285.
- Vernadskij J. [Pamyatniki Sinaya arkeologicheskie i paleograficheskie]. [Archaeological and paleogeographic Monuments of Sinai]. Vyp. 1. Pod red V.N. Beneshovicha. L. 1925], *Česky časopis historicky*. R. XXII. V. 3. Prague, 1926. P. 590–593.
- Vernadskii G.V. Pamyatniki iskusstva i stariny srednevekovogo Peloponissa [Monuments of art and antiquities of medieval Peloponnese], *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva istorii, arkeologii i etnografii (byvsh. Tavricheskoi Uchenoi arkhivnoi komissii) [Proceedings of Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography] V. I (58)*. Simferopol, 1927. P. 29–33.
- Postskriptum k rezensii V.A. Rozova na [Milos Weingert. Byzantské Kroniky u literature cirkevneslovanske. Přehled a rozbor filologicky. Bratislava, 1922] [Postscript to review V.A. Rozov [Milos Weingart. Chronicles of Byzantine literature in Church Slavonic. Overview and analysis of philology. Bratislava, 1922]], *Slavia. Časopis proslavanskoj filologii [Slavia. Magazine for Slavic philology]*. 1924. III. V. 2 a. 3. P. 485–486.
- Vernadskij J. [Nikos A. Bees. Serbisch-byzantinische Urkunden des Meteronklosters. Berlin, 1923] [Nikos A. Bees. Serbian-Byzantine documents of Meteronklosters. Berlin, 1923], *Slavia. Časopis proslavanskoj filologii [Slavia. Magazine for Slavic philology]*. 1924. V. 2 a. 3. P. 550–551.
- Vernadskij J. [N. Banescu. Changements politiques dans les Balkans après la conquête de l'Empire Bulgare de Samuel (1018). Nouveaux duchés Byzantins: Bulgarie et Paristrion. Bucarest, 1923] [[N. Banescu. Political changes in the Balkans after the conquest of the Bulgarian Empire Samuel (1018). New duchies Byzantins Bulgaria and Paristrion. Bucharest, 1923]], *Slavia. Časopis proslavanskoj filologii [Slavia. Magazine for Slavic philology]*. 1924. III. V. 2 a. 3. P. 549–550.
- Vernadskij J. K otázce o rozměrech byzantského rozpočtu [The question about the dimensions of the Byzantine budget], *Český Časopis historický [Czech Historical Magazine]*. R. XXVIII, 1922. V. 3–4. V Prague, 1923. P. 421–424.
- Vernadskij J. Byzantské popisy půdy [Byzantine descriptions of soil], *Český Časopis historický [Czech Historical Magazine]*. R. XXIX. V. 3–4. Prague, 1923. P. 443–457.
- Vernadskij J. [Mutafčiev P. Vojniški zemli i vojnicki v Vizantija pež XIII–XIV v. Sofia, 1923] [Mutafčiev P. Military lands and soldiers in Byzantium XIII–XIV. Sofia, 1923], *Český Časopis historický [Czech Historical Magazine]*. R. XXII, 1923. V. 3. P. 606–608.
- Vernadskii G.V. Zаметki o vizantiiskikh kupchikh gramotakh [Notes on Byzantine charters bills of sale] Сборник в честь на Васил Н. Златарски по случай на 30-годишната му научна и професорска дейност. Приготовен от неговите ученици и почитатели [Collection in honor of the 30th anniversary of scientific activities of Vassil N. Zlatarski] Sofia, 1925. P. 35–43.
- Panchenko B.A. Krest'yanskaya sobstvennost' v Vizantii. Zemledel'cheskii zakon i monastyrskie dokumenty [Peasant property in Byzantium. Agrarian law and monastery documents], *Izvestiya Russkogo Arkeologicheskogo Instituta v Konstantinopole [Proceedings of the Russian Archaeological Institute in Constantinople]*. 1904. V. IX. 234 p.
- Vernadskij G. Sur les origines de la Loi agraire byzantine [On the origins of Byzantine Agrarian Law] (Νομος Γεωργικός), *Byzantion. Revue Internationale des Etudes Byzantines*. Publié par Paul Graindor et Henri Grégoire [Byzantium. International Journal of Byzantine Studies. Edited by Paul Gregory and Henry Graindor]. V. II (1925). Paris; Liège, 1926. P. 169–180.
- Dil' Sh. Osnovnye problemy vizantiiskoi istorii [The main problems of Byzantine history] Moscow: State Publishing House of Foreign Literature, 1947. 181 p.
- Uspenskii F.I. *Istoriya Vizantiiskoi imperii [History of the Byzantine Empire] V.2*. Moscow: Astrel', AST, 2005. 624 p.
- Arkhiv Rossiiskoi Akademii Nauk (ARAN) [Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS)]. F. 518. Op. 3. D. 313. L. 14.
- Vernadskii G.V. Vizantiiskie ucheniya o vlasti tsarya i patriarkha [Byzantine doctrine of the power of the tsar and the patriarch], *Sbornik statei, posvyashchennykh pamyati N.P. Kondakova [Collection of articles dedicated to the memory of N.P. Kondakov]*. Prague: Seminarium Kondakovianum, Prague, 1926. P. 143–154.
- Vernadskii G.V. *Vvedenie [Introduction], Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's Refutation / Edited, with introduction and Notes by Valerie A. Tumins and G. Vernadsky*. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publishers, 1982. P. 21.
- Schmid H.F. [Otzyv na stat'i G. V. Vernadskogo i Vas. Markovicha] [Review on articles of G.V. Vernadsky and V. Markovic], *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Siebenundvierzigster Band. Kanonistische Abteilung XVI [Journal of Savigny Foundation for Legal History. Canonical department XVI]*. 1927. P. 530–533.

25. Vernadsky G. Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluss auf das russische Leben im XVII [The ecclesiastical and political doctrine of Epanagoge and their influence on Russian life in the XVII], Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher [Byzantine-Newgreek yearbooks]. Internationales Wissenschaftliches Organ [International Scientific organ]. Athens: Publisher P. D. Sakellarios, 1928. P. 119–142.
26. Sokol'skii V. O kharaktere i znachenii Epanagogi [On the nature and significance Epanagoge] // Vizantiiskii vremennik [Byzantine Annals]. St.Petersburg, 1894. P. 17–54.
27. Vernadsky G. The Tsardom of Moscow. 1547–1682. Part I, II. New Haven and London: Yale University Press. 1969. 873 p.
28. Vernadsky G. «The Tactics» of Leo the Wise and the Epanagoge, Byzantium. Revue Internationale des Etudes Byzantines [Byzantium. International Journal of Byzantine Studies.]. T. VI (1931). Brussels, 1931. P. 333–335.
29. Vernadsky G. Review [Albert Fogt, ed., trans., comm., Constantin VII Porphyrogénète, Le Livre des Cérémonies Paris, Société d'édition «Les Belles Lettres» I (1935); II (1939–1940)] [Albert Fogt, ed., trans., comm., Constantin VII Porphyrogénète, Le Livre des Cérémonies Paris, Société d'édition «Les Belles Lettres» I (1935); II (1939–1940)], Byzantium. International Journal of Byzantine Studies. Vol. XV. Published by the Byzantine Institute. Boston, 1940–1941. P. 500.
30. Vernadskii G. Zolotaya Orda, Egipet i Vizantiya v ikh otnosheniyakh v tsarstvovanie Mikhaila Paleologa [The Golden Horde, Egypt and Byzantium in their relations during the reign of Michael Palaeologus], Seminarium Kondakovianum. Prague: «Seminarium Kondakovianum», 1927. P. 73–84.
31. Vernadskii. Issledovaniya po istorii Vizantii [Vernadsky. Research on the history of Byzantium]. BAR. GVP. B. 170.
32. Vernadskii G.V. O znachenii nauchnoi deyatel'nosti N.P. Kondakova. K vos'midesyatiletiiu so dnya rozhdeniya, 1844 – I-XI-1924 [The significance of the scientific activity of NP Kondakov. Eightieth birthday, 1844 – I-XI-1924] (Rech', proiznesennaya na III s'ezde russkikh uchenykh v Prage 25 sentyabrya 1924 g.) [Speech delivered at the III Congress of Russian scientists in Prague September 25, 1924.]. Prague, 1924. 16 p.
33. Vernadskii G.V. N.P. Kondakov, k ego vos'midesyatiletiiu (1944–1924) [N.P. Kondakov, in his eightieth (1944–1924)], Slavia. Časopis proslavanskaz filologii [Slavia. Magazine for Slavic philology]. 1924. III. V. 2. 3rd. P. 560–563.
34. Vernadskii G.V. N.P. Kondakov, Recueil d'études dédiées à la mémoire de N.P. Kondakov [Collection of studies dedicated to the memory of N. P. Kondakov]. Prague, 1926. P. IX–XXXIII.
35. Kyzlasova I.L. Ot sostavitelya [From the compiler], Kondakov N.P. Vospominaniya i dumy [Memories and Thoughts] / Sost. I.L. Kyzlasovoi [compiler I.L. Kyzlasova]. Moscow: «Indrik», 2002. 416 p.
36. ARAN [ARAS]. F. 518. Op. 3 D.310
37. G.A. Ostrogorskii – G.V. Vernadskomu. 16 yanvarya 1924 g.; 23 marta 1926 g.; 29 iyunya 1927 g.; 30 oktyabrya 1933 g. [G.A. Ostrogorsky – G.V. Vernadsky. January 16, 1924 g.; March 23, 1926 g.; June 29, 1927 g.; October 30, 1933], BAR. GVP. B. 6.
38. Vasiliev A. Review [M.V. Levchenko. Istoriya Vizantii. Kratkii ocherk. Moskva; Leningrad, 1940] [History of the Byzantine Empire. A short essay. Moscow; Leningrad, 1940], Byzantium. International Journal of Byzantine Studies. Vol. XV. 1940–1941. Boston, Mass. P. 491–495.
39. Vernadskii G.V. Korsun' v russko-vizantiiskikh otnosheniyakh X i XI vv. [Korsun in Russian-Byzantine relations X and XI centuries], BAR. GVP. B. 96
40. Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven: Yale University Press; London: Humprey Milford, Oxford University Press, 1943. 425 p.
41. Vernadsky G. Kievan Russia. New Haven: Yale University Press, 1948. 412 p.
42. Vernadsky G. The Origins of Russia. Oxford. At the Clarendon Press. 1959. 354 p.
43. Vernadsky G. Essai sur les origines russes / Traduit de l'anglais Albert Colnat / L'Orient et Haut Moyen Age Illustrés. Paris, 1959. 552 p.
44. Lobanov-Rostovsky A. Review [“Kievan” Russia by George Vernadsky], The American Historical Review, Vol. 54. No. 1. October, 1948. P. 137–138.
45. Obolensky D. Review [“Kievan Russia” by George Vernadsky], The English Historical Review. Vol. 64. No. 253. October, 1949. P. 512.
46. Vernadsky G. On the Origins of the Antae, Journal of the American Oriental Society. 1939. Vol. 59. No 1. Mar. P. 56–66.
47. Vernadsky G. Note on the name 'antes', Journal of the American Oriental Society. Vol. 73. No. 3. July – September, 1953. P. 192.
48. Vernadsky G. The Rus in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945, Byzantina-Metabyzantina. T. I. N.Y., 1946. P. 249–250.
49. Vernadsky G. Review [Alexander A. Vasiliev. The Goths in the Crimea (Monographs of the Medieval Academy of America, No 11). The Medieval Academy of America, Cambridge, Mass., 1936], Byzantium. International Journal of Byzantine Studies. Vol. XV. Published by the Byzantine Institute. Boston, Mass. 1940–1941. P. 497–499.
50. Dvornichenko A.Yu. Zerkala i khimery. O vznikenii drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and chimeras. On the formation of the Old Russian state]. St.Petersburg: Evrazia, Moscow: ID KLIO, 2014. 560 p.
51. Gadlo A.V. Predystoriya Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze [Background of Azov Russia. Essays on the history of Russian reigning in the North Caucasus]. St.Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2004. 364 p.
52. Tolochko A.P. Ocherki nachal'noi rusi [Essays on initial Rusi]. Kiev; St.Petersburg: Laurus, 2015. 336 p.
53. Vernadsky G. Review [Alexander A. Vasiliev. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge: Mediaeval Academy of America, 1946], The American Historical Review. 1947. Vol. 52. №. 2. Jan. P. 308–309.
54. Vernadsky G. The Problem of the Early Russian Campaigns in the Black Sea Area, American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8. №. 1. Feb. P. 1–9.
55. Vernadsky G. Byzantium and Southern Russia. Two Notes: I. The Eparchy of Gothia; II. The Date of the Conversion of the Khazars to Judaism, Byzantium. International Journal of Byzantine Studies. Vol. XV. Published by the Byzantine Institute. Boston, Mass. 1940–1941. P. 67–86.
56. Vernadsky G. The Rus' in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945, Byzantina-Metabyzantina. 1946. № 1. P. 249–260.
57. Vernadsky G. The Status of the Russian Church during the First Half-Century Following Vladimir's Conversion, Slavonic Year-Book. American Series, Vol. 1 (1941). P. 294–314.
58. Vernadsky G. The Russo-Byzantine War of 1043, Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. Internationales wissenschaftliches organ. Achtzehnter band (1945–1949) [Byzantine-Newgreek yearbooks. International academic organ. Eighteenth ribbon (1945–1949)]. Athens Publisher of «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher», Philopappu Str. 12, 1960. P. 123–146.
59. BAR. GVP. B. 96.
60. Vernadsky G. Relations byzantino-russes au Xlle siècle [Byzantine-Russian relations in the twelfth century], Byzantium. Revue Internationale des études byzantines [Byzantium. International Journal of Byzantine Studies]. T. IV (1927–1928). Paris; Liège. P. 269–276.
61. Gadlo A.V. Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza X–XIII vv. [Ethnic history of the North Caucasus X–XIII centuries.]. St.Petersburg: St. Petersburg University Publ., 1994. 238 p.
62. Froyanov I.Ya., Dvornichenko A.Yu. Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi [The city-states of ancient Russia]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1988. 269 p.